

Тина — эпизод 8 из 8

необыденным, думал он, чем-нибудь таким, что производило бы в застоявшемся организме хорошую встрепку... реакцию... Будь то хоть выпивка, хоть... Сусанна. Нельзя без этого.

Ярррче молнии, жарррче пламени...

Эге, у нее гости! подумал Крюков.

И ему стало неприятно, что у нее гости. Не вернуться ли? думал он, берясь за звонок, но все-таки позвонил и пошел вверх по знакомой лестнице. Из передней он заглянул в залу. Там было человек пять мужчин всё знакомые помещики и чиновники. Один, высокий и тощий, сидел за роялью, стучал длинными пальцами по клавишам и пел. Остальные слушали и скалили от удовольствия зубы. Крюков огляделся перед зеркалом и хотел уже войти в залу, как в переднюю впорхнула сама Сусанна Моисеевна, веселая, в том же черном платье... Увидев Крюкова, она на мгновение окаменела, потом вскрикнула и просияла от радости.

Это вы? сказала она, хватая его за руку. Какой сюрприз!

А, вот она! улыбнулся Крюков, беря ее за талию. Так как? Судьба Европы находится в руках русских и французов?

Я так рада! засмеялась еврейка, осторожно отводя его руку. Ну, идите в залу. Там всё знакомые... Я пойду скажу, чтобы вам чаю подали. Вас Алексеем зовут? Ну, ступайте, я сейчас...

Она сделала ручкой и выбежала из передней, оставив после себя запах того же приторного, сладковатого жасмина. Крюков поднял голову и вошел в залу. Он был приятельски знаком со всеми, кто был в зале, но едва кивнул им головой; те ему тоже едва ответили, точно место, где они встретились, было непристойно, или они мысленно сговорились, что для них удобнее не узнавать друг друга.

Из залы Крюков прошел в гостиную, отсюда в другую гостиную. На пути попалось ему три-четыре гостя, тоже знакомых, но едва узнавших его. Лица их были пьяны и веселы. Алексей Иванович косился на них и недоумевал, как это они, люди семейные, почтенные, испытанные горем и нуждою, могут унижать себя до такой жалкой, грошовой веселости! Он пожимал плечами, улыбался и шел дальше.

Есть места, думал он, где трезвого тошнит, а у пьяного дух радуется. Помню, в оперетку и к цыганам я ни разу трезвым не ездил. Вино делает человека добрее и мирит его с пороком...

Вдруг он остановился, как вкопанный, и обеими руками ухватился за косяк

двери. В кабинете Сусанны, за письменным столом, сидел поручик Александр Григорьевич. Он о чем-то тихо разговаривал с толстым, обрюзглым евреем, а увидев брата, вспыхнул и опустил глаза в альбом.

Чувство порядочности встрепенулось в Крюкове и кровь ударила ему в голову. Не помня себя от удивления, стыда и гнева, он молча прошелся около стола. Сокольский еще ниже опустил голову. Лицо его перекосило выражением мучительного стыда.

Ах, это ты, Алеша! проговорил он, силясь поднять глаза и улыбнуться. Я заехал сюда проститься и, как видишь... Но завтра я обязательно уезжаю! Ну, что я могу сказать ему? Что? думал Алексей Иванович. Какой я для него судья, если я и сам здесь?

И ни слова не сказав, а только побрякав, он медленно вышел.

Не называй ее небесной и у земли не отнимай...

Невестки (франц.).